

долготою времени минеральные соки в смолу проникли, дали большую твердость и, словом, в янтарь претворили, в котором мы получили гробницы великолепнее, нежели знатные и богатые на свете люди иметь могут» (V, 611).

Между прочим, любопытное упоминание об этой сценке, свидетельствующее о ее популярности, находим в «Былом и думах» Герцена. Вспоминая университетского профессора Ловецкого, читавшего курс минералогии, Герцен пишет, что «он умел тоже трогательно повествовать, как мушки рассказывали, как они в прекрасный летний день гуляли по дереву и были залиты смолой, сделавшейся янтарем, и всякий раз добавлял: „Господа, это — прозопопея“».⁵

Прекрасным примером художественной образности ломоносовской научной прозы является уже упоминавшееся «Слово о пользе химии». Оно написано с таким глубоким воодушевлением, отличается такой стройностью изложения, полнотой и оригинальностью доказательств, таким мастерским использованием изобразительных средств, что по справедливости может быть названо не только выдающимся научным произведением, но и шедевром ораторского искусства.

«Слово» построено так, что представляет собой как бы одну огромную метафору — олицетворение: науки — служительницы в «богатом храме» («чертоге», «святилище») природы. Химия — ближайшая из этих служительниц, наперсница природы, которой суждено стать «первой предводительницей» в раскрытии тайны вещества, первой открыть «завесу внутреннего сего святилища» своей госпожи «природы».

Все последующее содержание «Слова» представляет собой не что иное, как последовательное, удивительно выдержанное в целом и частях развертывание этого образа химии — служительницы природы:

«Математики по некоторым известным количествам неизвестных дознаются. Для того известные с неизвестными слагают, вычитают, умножают, разделяют, уравнивают, превращают, переносят, переменяют и наконец искомое находят. По сему примеру рассуждая о бесчисленных и многообразных переменных, которые смешением и разделением разных материй химия представляет, должно разумом достигать потаенного размерною малостию виду, меры, движения и положения первоначальных частиц, смешанные тела составляющих. Когда от любви беспокоящийся жених желает познать прямо склонность своей к себе невесты, тогда, разговаривая с нею, примечает в лице перемены цвету, очей обращение и речей порядок; наблюдает ее дружество, обходительства и увеселения, выпрашивает рабынь, которые ей при возбуждении, при

⁵ А. И. Герцен. Былое и думы. — Полное собрание сочинений в тридцати томах, т. VIII, Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 128.